

Ли Гуаньцзин посторонился, давая ему дорогу, и спросил:

— Ты кого-то ищешь? Полагаю, большинство уже разошлись, заходи, посмотри.

Ду Фуюнь не двинулся с места и мягко ответил:

— Я ищу господина Ли.

Ли Гуаньцзин удивился:

— По какому делу?

Ду Фуюнь не стал сразу отвечать, а спросил:

— Только что ты казался очень спешащим. Куда-то торопишься?

— А, хотел прогуляться по Восточному рынку, — вздохнул Ли Гуаньцзин. — Ещё месяц назад собирался купить что-нибудь диковинное и хорошее, но так и не определился с выбором. Всё откладывал, и вот дотянул до сегодняшнего дня. Понимаю, что теперь уже не получится осмотреть всё подряд, так что просто куплю что-нибудь стоящее.

Ду Фуюнь догадался, что Ли Гуаньцзин откладывал покупку, скорее всего, из-за того происшествия. А до него нетрудно было предположить, по какому поводу тот собирался сделать подарок. Взгляд его прояснился от понимания.

— Господин Ли хочет преподнести дар.

Ли Гуаньцзин кивнул. Сначала он хотел объяснить причину, чтобы Ду Фуюнь мог помочь с выбором, но потом вспомнил: Дугу Цзин — его тётя, а Ли Вэйян, стало быть, бывший дядя. Вряд ли стоит обременять его такой просьбой. Поэтому он перевёл разговор:

— Ты так и не сказал, зачем меня искал.

— Моя тётя вчера получила те книги, бегло их просмотрела и осталась очень довольна. Попросила меня передать тебе благодарность.

— Это сушая безделица, не стоит благодарности.

— Для других — мелочь, для тебя — нет, — серьёзно сказал Ду Фуюнь. — Госпожа Линь была твоей наставницей, она заботилась о тебе с детства. Ты смог отбросить прошлые обиды и помочь моей тёте — за это я должен тебя поблагодарить.

Ли Гуаньцзин и сам не без сомнений шёл на это, поэтому теперь, услышав похвалу, слегка смутился.

Ду Фуюнь, сложив руки в рукава, продолжал:

— Твой подарок, должно быть, предназначен госпоже Линь. Ныне из старших в нашей семье осталось мало, а из материнской линии — лишь одна эта тётя. За её проступки мне следует хоть отчасти возместить ущерб. Так что, господин Ли, если тебе что-то нужно, просто скажи.

Видя его настойчивость, Ли Гуаньцзин задумался, а затем внезапно просиял от догадки.

— Знаю, какой мне нужен подарок!

Ду Фуюнь улыбнулся вместе с ним.

— И какой же?

— Вкус!

На лице Ду Фуюня мелькнуло редкое для него недоумение.

Ли Гуаньцзин не сдержал смешка.

— Вкус в выборе циня! Моя тётя любит цинь. Я хоть и научился кое-как брэнчать, но в выборе инструмента не разбираюсь. А ты, как мастер игры, чья слава гремит по всему Чанъяню, наверняка сможешь мне выбрать достойный цинь!

Ду Фуюнь, видя его горячность, не стал скромничать и отказаться, а просто кивнул.

— Хорошо. Позволь мне переодеться в обычное платье. Через время горения одной палочки благовоний встретимся у входа в Павильон Тихой Орхидеи на Восточном рынке.

Десять лет назад некто потратил огромные деньги, чтобы приобрести нотную запись мелодии «Тихая орхидея», дошедшую со времён Шести династий, и сделал её жемчужиной своей коллекции, положившей начало Павильону Тихой Орхидеи. В первые дни некоторые считали владельца расточителем — ведь на те деньги можно было открыть на Восточном рынке десяток цинных лавок. Но находились и те, кто видел в этом гениальный ход: пусть сборник и дорог, зато слава его уже гремела по всем четырём морям. Павильон Тихой Орхидеи без малейших усилий обрёл известность и привлёл первых знатных гостей. К тому моменту в лавке уже были приготовлены цины работы знаменитых мастеров, и этих высоких посетителей удалось превратить в постоянных клиентов. Это, в свою очередь, лишь прибавило славы заведению. Так что, если разобраться, владелец оказался не расточителем, а дальновидным и решительным дельцом.

Музыкальными талантами Ли Гуаньцзин не блистал. В детстве играл коряво, да и сейчас знал от силы одну-две мелодии. Историю Павильона Тихой Орхидеи он слышал, но никогда там не бывал. Поэтому, увидев, как из здания один за другим выходят несколько учёных мужей с книгами в руках, он невольно удивился.

— Господин Ли находит это странным?

Ли Гуаньцзин обернулся. Ду Фуюнь был в светло-голубом халате с отложным воротником, что делало его облик удивительно изящным и мягким — совсем непохожим на привычный алый чиновничий наряд. Ли Гуаньцзину вновь стало досадно от несправедливости небес: зачем одаривать Ду Фуюня и острым умом, и талантом, да ещё и такой прекрасной внешностью? Да и происхождением, и характером тот был безупречен — никто не смог бы найти в нём изъяна.

Ду Фуюнь с улыбкой приблизился.

Ли Гуаньцзин опомнился.

— Да, странно. Они больше похожи на посетителей библиотеки, а не на покупателей циней.

— Господин Ли подметил верно. Они и вправду пришли не за цинями, а чтобы изучать ноты, — мягко напомнил Ду Фуюнь. — Мелодию «Тихая орхидея» легенда приписывает самому Конфуцию.

Ли Гуаньцзин на секунду замер, а затем уставился на Ду Фуюня с немым вопросом.

Того это рассмешило.

— Если честно, — признался он, — когда я учился в Высшей школе, перед ежегодными экзаменами ученики толпами приходили сюда.

— И... это помогало? — спросил Ли Гуаньцзин и тут же почувствовал, как вопрос выдал его глупость.

Ду Фуюнь, однако, отнёсся к вопросу серьёзно.

— Не знаю. Но сегодня можно проверить.

Ли Гуаньцзин цокая языком, покачал головой — его вновь ослепил ореол отличника, окружавший Ду Фуюня. Он уже собирался спросить, для какого же экзамена тот сюда сегодня явился, но Ду Фуюнь, заложив левую руку за спину, а правой сделав гостеприимный жест, не дал ему вымолвить ни слова.

— Прошу, господин Ли.

На первом этаже Павильона, прямо посреди зала, нотный сборник хранился под стеклянным колпаком. Вокруг была сооружена бамбуковая ограда, отстоявшая от реликвии на пол-чжана. На каждой бамбуковой жерди висела табличка с изречением. Ли Гуаньцзин взял две. На одной было написано: «Мудрый дорожит коротким днём, печальный знает долготу ночи». На другой: «Время прилагать усилия, ибо годы не ждут».

— Владелец постарался, — заметил Ли Гуаньцзин.

Циней на первом этаже было немного — они служили в основном для показа, поэтому ценились за красоту формы, а не за высший класс звучания. Проведя их краткий осмотр, служитель повёл двоих гостей напрямиком на третий этаж, пояснив, что здесь хранятся коллекционные цини, древнейшие из которых восходят к эпохе до империи Цинь. Служитель пустился в подробные объяснения, но Ли Гуаньцзина только запутали бесчисленные имена. Он остановился лишь тогда, когда прозвучало имя Фу Цие.

Ду Фуюнь, стоявший слева, мягко спросил:

— Что такое?

— Я слышал об этом человеке, — сказал Ли Гуаньцзин, взгляд его упал на чернильные пятна на цине перед ним. — Эти чернила были здесь изначально?

— Так точно, — ответил служитель. — Великий мастер Фу всю жизнь любил лишь каллиграфию и изготовление циней. Этот цинь зовётся «Мосян». Говорят, однажды, работая над ним, мастер внезапно ощутил вдохновение, схватил цинь и помчался писать. В порыве страсти он даже не заметил, как чернила забрызгали дерево инструмента. К тому моменту, когда шедевр каллиграфии был явлен миру, чернила уже высохли.

— Этот шедевр... Неужели «Юаньси»? — спросил Ли Гуаньцзин.

Служитель улыбнулся.

— Господин, вижу, вы знакомы с творчеством великого мастера Фу! Именно она.

Ли Гуаньцзин взглянул на Ду Фуюня.

— Не мог бы ты оценить качество инструмента?

— Разумеется, — Ду Фуюнь знаком велел служителю перенести цинь «Мосян» на столик, сам же уселся перед ним, настроил все пять тонов, исполнил короткую мелодию, а затем поднял голову. — Звук отменный, но не совершенный.

Пусть и не идеален, но благодаря истории, с ним связанной, Ли Гуаньцзин уже решил купить цинь. Он выяснил цену, внёс задаток, и Павильон пообещал уже после полудня надлежащим образом упаковать инструмент и доставить в резиденцию князя, где и произойдёт окончательный расчёт. Так Ли Гуаньцзин покончил с этим делом.

Покинув Павильон Тихой Орхидеи, Ли Гуаньцзин захотел отблагодарить Ду Фуюня и спросил:

— Ты уже обедал?

Ду Фуюнь уловил намёк.

— Сегодня я обещал отобедать у тёти. Если у господина Ли больше нет дел, то я пойду.

Ли Гуаньцзин слегка огорчился, но ничего не оставалось, как сказать:

— Тогда как-нибудь в другой раз.

Ду Фуюнь сложил руки в приветственном жесте, повернулся и ушёл.

Ли Гуаньцзин проводил его взглядом, пока тот не скрылся за поворотом, а затем с лёгким чувством неудовлетворённости цокнул языком.

Чэнь Кэ, наблюдавший за этим, не понял.

— О чём вы сожалеете, господин?

Ли Гуаньцзин удивился.

— Разве я выгляжу сожалеющим?

Чэнь Кэ тоже усомнился в своей догадке и почесал затылок.

— Наверное... нет?

Ли Гуаньцзин на мгновение онемел, затем взял поводья своей лошади.

— Пойдём, нужно приготовить деньги.

Цинь «Мосян» оказался в руках Ли Гуаньцзина уже после полудня. Осмотрев инструмент, он не удержался и провёл рукой по большому чернильному пятну под струнами слева. Раньше он представлял себе, что на цине «Мосян» будут лишь несколько капель-украшений. Теперь же, увидев это огромное пятно, он понял, что оно несколько портит вид. Впрочем, раз уж продают в таком виде, значит, ценители изящного обращают внимание прежде всего на скрытую в нём одухотворённость. Он отбросил лишние мысли, достал из ящика заранее подготовленный лист бумаги с узором-размывом, взял кисть и принялся обдумывать поздравительные слова.

<http://bllate.org/book/15944/1425361>